

Рассматриваются некоторые характеристики современной рыночной модели экономики России, оказывающие существенное влияние на ее экономическую динамику как в настоящее время, так и в долгосрочной перспективе – прежде всего, особенности взаимодействия с внешним миром, специфика денежной системы. Дается критический анализ отдельных принципов современного экономического прогнозирования.

Ключевые слова: долгосрочные прогнозы, ошибки прогнозирования, межстрановые и межрегиональные различия, интеграция в мировую экономику, денежная система, нефтяной фактор, закон Оукена

Что ждет Россию, или можно ли верить долгосрочным экономическим прогнозам?

Ю.С. ЕРШОВ, *Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск*

Разработка экономических прогнозов – это фактически попытка дать ответ на вопрос о том, что нас ждет в будущем, при каких условиях и насколько может возрасти уровень жизни. Прогнозированием в большинстве стран занимаются как официальные органы власти, так и независимые научно-исследовательские коллективы. Эти же функции выполняют и ряд международных организаций. Задним числом можно констатировать, что ни один из долгосрочных прогнозов не сбылся, и вряд ли сбудутся в части выхода на рассчитанные значения макроэкономических показателей и те прогнозы, которые имеются на сегодняшний день, и те, которые будут разрабатываться в перспективе. В частности, никто до сих пор не научился заблаговременно предсказывать, когда наступит очередной экономический кризис и насколько он будет глубоким. Можно лишь достоверно утверждать, что кризисы обязательно возникнут – циклический характер как неотъемлемый атрибут рыночной экономики прописан во всех учебниках.

Чрезвычайно сложной задачей является не только прогнозирование экономики в целом, но и отдельных сторон нашей жизни и деятельности. Можно привести много примеров ошибочных прогнозов даже для тех случаев, когда изначально все казалось практически бесспорным.

С точностью до наоборот, или дефекты простых логических цепочек

Представим себе, что в 1990 г., когда основными инструментами выполнения финансовых расчетов и оформления документации были настольные калькуляторы и механические или электрические пишущие машинки, в бухгалтерию предприятия принесли современный персональный компьютер с лазерным принтером, показали его возможности и сказали, что в будущем все бухгалтерии и сопряженные с ними отделы будут оснащены такой техникой. Логичный ожидаемый вывод – производительность труда повысится в разы, и, следовательно, потребность в работниках существенно сократится. И вряд ли бы кто усомнился в надежности такого прогноза в те времена.

Но результат оказался прямо противоположным ожидаемому – потребность в бухгалтерях и других работниках, выполняющих финансовые расчеты, не уменьшилась, а многократно увеличилась. И теперь уже не надо подробно объяснять, почему не предполагалось, что в ходе рыночных реформ многократно увеличится количество юридических лиц, существенно усложнится и будет чаще изменяться налоговое законодательство, что вместо обычных покупок надо будет организовывать тендеры, и т.д.

Другой пример оказавшегося несостоятельным прогноза. Один из аргументов идеологов рыночных реформ заключался в том, что рыночная экономика – в основном самоуправляемая. Не будет директивных планов и их разверстки по отраслям и регионам, министерства и ведомства не будут рассчитывать цены, назначать и увольнять директоров предприятий и т.д. Рынок автоматически обеспечит балансы спроса и предложения, направит инвестиции туда, где они дадут наибольший эффект. Следовательно, потребность в работниках, осуществляющих властные функции, должна заметно сократиться. И это тоже казалось логичным. Что же мы получили фактически? На конец 2010 г. численность занятых в органах государственной власти и местного самоуправления составила 1648,4 тыс. чел. против 1004,4 тыс. в 1994 г. – таким образом, после приватизации – основы формирования рыночной среды, потребность в таких кадрах почему-то

существенно возросла. Фактический рост численности управленческих кадров намного больше, поскольку топ-менеджмент крупных корпораций выполняет те функции, которые в плановой экономике выполняли правительство и министерства. Так называемая «самоуправляемая» экономика, точнее, управляемая косвенными, индикативными, методами, на самом деле требует гораздо более мощного аппарата управления по сравнению с управлением прямыми методами.

И, наконец, еще один выразительный пример несбывшегося прогноза. Важнейшая составляющая рыночных реформ – либерализация внешнеэкономических связей, т.е. отказ от государственной монополии внешней торговли. Один из главных ее элементов – признание «правильными» цен мирового рынка, а не тех, которые в советском прошлом определялись отечественными издержками. В конце 1980-х годов Госкомстат СССР выполнил расчеты сальдо межреспубликанского обмена в таких «правильных» ценах и определил, что если бы по таким ценам осуществлялась торговля между союзными республиками, то РСФСР имела бы в 1987 г. положительное сальдо в размере около 40 млрд инвалютных рублей (или более 60 млрд дол. – в пересчете на современные доллары это не менее 120 млрд), в основном за счет более высоких цен на энергоносители. Отсюда очередной кажущийся очень логичным вывод – переход на мировые цены в межреспубликанском товарообмене при условии его эквивалентности мог бы принести России огромные дополнительные ресурсы. Но не принес, и не только потому, что мировые цены на энергоносители понизились: новые цены несовместимы с прежними товаропотоками. Конечно, Россия «выиграла» в 1990-х гг. от такой либерализации в части взаимоотношений с бывшими союзными республиками, но только в том смысле, что меньше проиграла, чем большинство из них.

Распространение «правильных» цен на внутреннюю торговлю также должно было существенно изменить экономическое положение как отраслей экономики, так и субъектов Федерации. «Выиграть» должны были те регионы, которые специализируются на производстве продукции с относительно возросшими ценами, а более всего – те, кто производит товары на экспорт (в связи с заниженным по сравнению

с соответствующим паритету покупательной способности курсом рубля). Естественно, ожидалось, что более всего от перехода на новые цены выиграет Сибирь.

Поначалу процесс действительно пошел в этом направлении, но только поначалу. Если, например, в 1990 г. средняя заработная плата в Кемеровской области превышала аналогичный показатель по Новосибирской области лишь на 11%, то уже в 1992 г. это превышение стало двукратным. И это можно было легко объяснить. Но почему сейчас ситуация изменилась на противоположную – с 2008 г. средняя заработная плата в Кемеровской области стала даже ниже, чем в Новосибирской, а с 2009 г. кемеровчане стали отставать от своих соседей и по показателю всех денежных доходов на душу населения? А ведь в 2008 г. цены, по которым Россия поставляла уголь на внешний рынок, были рекордными – в 3 раза выше, чем в 2000 г., добыча угля уже давно превзошла дореформенный уровень (182 млн т в 2008 г. против 150 млн т в 1990 г.), еще большим был скачок цен на черные металлы. Динамика мировых цен на топливо и металлы обуславливала аналогичные тенденции и на внутреннем рынке. Какой могли бы дать прогноз эксперты в 2000 г. на будущие 10 лет при таком изменении рыночной конъюнктуры, которая фактически имела место?

Кемеровская область – не единственный пример «нелогичного» прогноза результатов изменений в рыночной конъюнктуре. Более выразительны данные об изменении относительной роли в суммарном валовом региональном продукте (ВРП) Тюменской области – основном производителе и фактическом экспортере нефти и газа в России (табл. 1).

Таблица 1. Доля Тюменской области в ВВП в 2005–2008 гг., %

Показатель	2005	2006	2007	2008
Цена на нефть, дол./т	329,8	412,4	470,9	663,2
Цена на газ, дол./1000 м ³	151,6	215,8	233,5	354,4
Доля Тюменской области в суммарном ВРП, %	12,3	11,3	9,9	9,2

Напротив, противоречит той логике, которая доминировала в конце 1980-х – начале 1990-х, изменение роли в нашей экономике российской столицы. В 1995 г. на долю Москвы

приходилось лишь 9,7% суммарного ВРП страны (среднегодовая численность занятых в ее экономике тогда составляла 7,8% от числа занятых в экономике страны), и этот показатель был, наверное, близок к тому, который столица имела бы в советский период, если бы осуществлялся расчет ВРП. К 2008 г. доля Москвы в суммарном ВРП уже составила 24,3% (при доле в численности занятых – 9,6%). Объяснить это высоким уровнем развития московской экономики в классическом понимании невозможно.

Ошибки прогнозов конца 1980-х – начала 1990-х были обусловлены игнорированием будущих изменений в институциональной среде, в частности, в характере распределения конечных результатов между непосредственными производителями и всеми остальными субъектами экономической деятельности, осуществляющими последующие функции движения товаров и имеющими права собственности. О влиянии создания вертикально интегрированных компаний на изменения территориальных пропорций производства и потребления в то время никто и не думал.

Что будет и почему – потом, сначала – что и почему уже случилось

Исходный пункт любого экономического прогноза – объяснение и анализ ретроспективных тенденций. **Если мы не можем убедительно объяснить ретроспективные тенденции, никто не поверит в наши возможности что-либо предсказывать на перспективу.** Когда речь идет о межстрановых различиях в душевых показателях производства и потребления, то подавляющее большинство, скорее всего, согласятся с тем, что их огромная дифференциация обусловлена прежде всего классическими факторами – техникой и технологиями, квалификацией занятых. Исключения могут быть объяснены наличием на территории некоторых стран уникальных природных ресурсов. Но такими факторами далеко не всегда можно объяснить межрегиональную дифференциацию этих показателей. И вполне вероятно, что и на межстрановые различия также серьезно влияют не только классические факторы.

Первый и главный вопрос, на наш взгляд, можно было бы сформулировать так: **почему в России, при наличии**

большого многообразия природных ресурсов, душевые показатели производства и потребления существенно ниже, чем в странах, относимых к развитым? И можем ли мы в перспективе ликвидировать это отставание или даже преодолеть большинство из таких стран?

По последним опубликованным Росстатом данным о международных сопоставлениях душевых показателей производства, в 2008 г. среднедушевой ВВП в России составил 43% от уровня США (в таких расчетах используются не рыночные курсы валют, а курсы, соответствующие паритету покупательной способности). Эта информация представляется весьма сомнительной, поскольку для 2002 г. аналогичный показатель составлял лишь 22%. Если учесть, что ВВП США за 2003–2008 гг. вырос примерно на 15%, то налицо более чем удвоение российского не только душевого, но и всего валового внутреннего продукта. Прямые же данные о динамике российского ВВП свидетельствуют о росте за этот период лишь на 51%. Поэтому пара 22–43% не внушает доверия, но обе ли ее составляющие неверны или какая-то одна – ответ на этот вопрос требует отдельного исследования.

Но вернемся к главному вопросу. Можно было бы придумывать множество причин и, в первую очередь, политических – например, виноваты были большевики, КПСС или в целом социалистическая модель экономики или еще какие-то менее глобальные факторы. Но если выбирать лишь одну, главную причину, то на первое место следует поставить нашу историю, в корне отличную от истории США.

Объясняя этот фактор студентам, автор обычно приводит следующий пример. Представьте себе, что вы и ваш знакомый поступаете на работу, и работодатель, объективно оценив ваши способности, установил вам зарплату в 40000 руб., а вашему знакомому – лишь в 20000 (или же такими оказались результаты вашей трудовой деятельности при сдельной оплате). Можно ли считать, что у вас производительность труда в 2 раза выше? Безусловно. Но вы в силу сложившихся обстоятельств вступаете в трудовую жизнь «голым» – у вас нет жилья и какого-либо другого «капитального» имущества. А ваш знакомый уже имеет две квартиры. Вы вынуждены снимать у него жилье и платите, например, ежемесячно 15000 руб. Теперь у него $20000 + 15000 = 35000$ – такой своего рода личный ВВП. У вас же он стал $40000 - 15000 = 25000$. И если ваш знакомый эти доходы не «растратит», то к концу многолетней трудовой деятельности он останется более богатым человеком, чем вы. Хотя у вас все эти годы лет производительность труда в обычном человеческом понимании была в 2 раза выше. Примерно такой же результат будет иметь место, если наследство вашего знакомого имеет денежную форму, и вы не арендуете

у него жилье, а берете займы крупную сумму на длительный срок. Например, 2 млн руб. под 12% годовых. И, затянув пояс, отдавая ежемесячно по 25000 руб., вы за 13,5 лет рассчитаетесь, выплатив кредитору более 4 млн руб.

Такой ваш знакомый по своему статусу ближе к типичному среднему коренному американцу – накопленное многими поколениями богатство не пропадало, по крайней мере с XX века, в трех разрушительных войнах. Вы – ближе к среднему россиянину.

Есть ли выход из этой вроде бы тупиковой ситуации? Можно ли в перспективе догнать или даже превзойти своего благополучного знакомого? Можно, если не занимать и не арендовать. Жить, например, в общежитии. Не комфортно, но ваш знакомый не получит лишние 15000 руб., а вы, напротив, получите реальную возможность накопить на собственное жилье, и не за 13 лет, а в два раза быстрее. По такой идеологии жил Китай в период «большого скачка», когда одним из главных политических лозунгов был – «три года упорного труда – десять тысяч лет счастья». Отчасти такую же идеологию проводит и современное руководство КНР – подавляющее большинство населения живет, даже по российским критериям, в нищете, а в то же время в «заначке» – золотовалютных резервах страны – более 2,5 трлн дол., т.е. почти по 2 тыс. дол. на каждого жителя.

Применительно к экономике России приведенный выше (возможно, гипертрофированный) пример с арендой жилья или заимствованием подводит нас к одной из важнейших проблем – **особенностям взаимодействия с внешним миром**. Каковы они в настоящее время и как могут повлиять на перспективы развития российской экономики?

Интеграция в мировую экономику – благо или беда?

Из самых высоких уст она преподносится как одно из больших завоеваний рыночных реформ. Даже в условиях кризиса: «Их трясет – и нас трясет. Значит, мы становимся такими же, продвинутыми, как они». Одно из следствий интеграции – свобода передвижения капиталов, возможность не только правительству, но и частным предприятиям давать займы и занимать деньги из-за рубежа, покупать собственность за пределами страны и продавать часть российской собственности зарубежным инвесторам.

В платежном балансе России, публикуемом ежегодно Росстатом и размещенном на сайте Центрального банка, есть

такая позиция, как «сальдо инвестиционных доходов». Это разность между теми доходами, которые имеет Россия в виде процентов от зарубежных заемщиков и дивидендов на принадлежащие россиянам акции зарубежных корпораций, и аналогичными доходами, которые получают иностранные кредиторы и владельцы акций отечественных компаний. В табл. 2 показаны полученные Россией и выплаченные ею инвестиционные доходы и их сальдо за последние годы (за 2011 г. – оценка по итогам первых трех кварталов).

50 млрд дол. за год – такова сегодня одна из составляющих платы за интеграцию в мировую экономику. В 1992–1994 гг. ежегодное отрицательное сальдо инвестиционных доходов было в 25 раз меньше – около 2 млрд дол., и его формировали в основном проценты по тем кредитам, которые приняла на себя Россия от СССР.

Таблица 2. Инвестиционные доходы России в 2007–2011 гг.

Год	ВВП, млрд руб.	Инвестиционные доходы, млрд дол.		Сальдо инвестиционных доходов	
		получены Россией	выплачены Россией	млн дол.	% от ВВП
2007	33248	44676	68296	-23620	1,80
2008	41265	55192	90209	-35017	2,10
2009	38797	32443	63977	-31534	2,55
2010	44491	33739	73927	-40188	2,74
2011	50000	40000	90000	-50000	3,10

Если бы не было выходных и праздничных дней, то можно было бы утверждать, что более 11 дней страна работает на иностранных инвесторов (в 2007 г. – 6,6 дня, в 2008 г. – 7,7 дня, в 2009 г. – 9,3 дня, в 2010 г. – 10 дней), и в перспективе этот показатель будет расти. С учетом же выходных и праздников можно смело констатировать, что как минимум полмесяца в году мы работаем на выплату процентов и дивидендов иностранным инвесторам. По курсу 31 руб. за 1 дол. в расчете на одного занятого в экономике (около 68 млн чел.) сальдо инвестиционных доходов составит в 2011 г. почти 23 тыс. руб., что примерно равно одной среднемесячной заработной плате. Или почти 11 тыс. руб. за год – это более половины среднемесячного душевого дохода.

Существенную роль в динамике показателя сальдо инвестиционных доходов играет динамика внешних заимствований. За годы относительно высоких темпов роста имели место опережающие по сравнению с ВВП темпы роста внешнего долга РФ. К 1.10.2008 г. он достиг 541 млрд дол. (в начале 2006 г. – 257 млрд). Кризис 2008–2009 гг. обусловил отток части иностранного капитала из России, к 1.01.2010 г. внешний долг уменьшился до 467 млрд дол., но затем вновь стал возрастать, к 1.07.2011 г. почти достигнув предкризисного уровня – 538,6 млрд дол. (табл. 3).

*Таблица 3. Внешний долг России (на начало года)
в 2005–2011 гг., млрд дол.*

2005	2006	2007	2008	1.10.2008	2009	2010	2011	1.07.2011
213,5	257,2	309,7	453,5	542,1	480,5	467,2	488,7	538,6

Следует отметить важную особенность. Наиболее интенсивно иностранные деньги начинают поступать в Россию в те периоды, когда экономическая конъюнктура изменяется в благоприятную для нашей страны сторону, т.е. когда мы, казалось бы, не должны остро нуждаться в этих деньгах, потому что растут собственные доходы. И, напротив, при их падении иностранный капитал начинает уходить из России (как с начала кризиса 2008 г.). Таков естественный «гуманизм» мирового финансового капитала. В самые тяжелые 1990-е годы у нас почти не было увеличения зарубежных заимствований. Так, на 1.01.1995 г. внешний долг России оценивался в 127 млрд дол., из которых 119 млрд был долг федерального правительства, сформировавшийся в основном за счет принятия на себя долгов бывшего СССР. На начало 2011 г. федеральный долг составлял лишь 32 млрд дол., львиная доля задолженности приходится сейчас на банки и крупные корпорации.

Эта особенность российской экономики сохранится и, по всей видимости, даже усилится в перспективе. Положительная величина «чистого притока капитала» в Россию рассматривается как позитивный процесс, выражение доверия к нашей экономике, фактор ускорения темпов экономического роста. Но при увеличении внешних заимствований и продаж акций российских компаний иностранным инвесторам

автоматически возрастает та доля валового внутреннего продукта, которую придется отдавать зарубежным инвесторам. И этот наиболее вероятный тренд окажет на перспективы нашей экономики скорее отрицательное, чем положительное воздействие.

Неявно это фактически признает и правительство. Мы заметно сократили федеральный долг, досрочно полностью погасили долги перед Парижским клубом кредиторов, правительство почти не прибегает к новым зарубежным заимствованиям. Это было представлено как очень правильное решение – будущие поколения освобождаются от уплаты процентов по таким долгам. Но частный капитал ведет себя прямо противоположным образом, своими действиями многократно перекрывая положительный для будущих поколений эффект от сокращения федерального долга.

Выше приводился пример феномена Москвы, обусловленный концентрацией здесь головных контор крупнейших банков и нефинансовых корпораций. Большую часть своего ВВП столица формирует фактически как собственник и кредитор «периферийной» экономики, как центр регистрации доходов от наиболее прибыльных видов деятельности, в частности, оптовой и внешней торговли. В какой-то степени эти факторы объясняют и огромные межстрановые различия в душевых показателях ВВП – ведь так называемый «золотой миллиард» в основном и выполняет в планетарном масштабе такие функции. Иначе и не может быть, поскольку если бы проблема заключалась лишь в состоянии техники и технологии, то для выхода из бедности существовал бы простой рецепт: купи эту технику – и твой ВВП вырастет более чем в два раза, а при таких доходах быстро рассчитаться с кредитором (если покупал займы) не составит большого труда. То же самое отчасти имеет место и в межрегиональных отношениях – если у какого-то региона чисто производственная специализация, а права собственности, функции кредитования и страхования, распределения произведенной продукции сосредоточены у резидентов другого региона, то в «экономическом соревновании» победит последний при любом самом высоком состоянии материально-технической базы производства у первого.

Какова сейчас специализация России в рамках мировой экономики? Почти полностью или преимущественно производственная со всеми вытекающими отсюда последствиями. Есть ли возможность ее изменить? По крайней мере, быстро невозможно. Формально можно пытаться сократить отток «нетрудовых доходов», получаемых иностранными инвесторами из России, сократить внешний долг и долю иностранцев в российской собственности. Но как это сделать, не нарушая основных принципов рыночной экономики?

Очень дорогие деньги, или какова реальная цена российских банкнот

В рыночной экономике трудно переоценить роль финансов. Необходимое условие экономического роста – рост совокупного платежеспособного спроса, что невозможно без увеличения денежной массы, т.е. без денежной эмиссии. Вспомним ставшую почти крылатой в 1990-е годы фразу бывшего министра финансов Лившица: «Нет денег!». Денег не было в бюджете, но их в то время было мало и у предприятий, и у населения. Все остальное было в избытке – и природные ресурсы, и незагруженные производственные мощности, и свободные трудовые ресурсы, но не могло прийти в движение, потому что не было денег. И не иностранной валюты, а обычных рублей. Вследствие высокой инфляции денежная масса в реальном выражении или уменьшалась или не росла. Потому что в целях борьбы с инфляцией в 1994 г. правительство Черномырдина приняло решение больше не выпускать в обращение ни одного «необеспеченного» рубля.

Эффект в части борьбы с инфляцией был огромным, но рубль стал настолько дефицитным, что в 1995 г. его курс начал расти по отношению к американскому доллару. Без всяких объективных причин – нефть оставалась дешевой, выручка от экспорта почти не увеличивалась, темпы прироста цен в России хотя и заметно снизились, но многократно превышали аналогичный показатель и в США, и в других развитых странах. Но ценой стабильности рубля стало продолжающееся снижение производства практически вплоть до 1999 г.

Основы российской денежной системы и в настоящее время сохранились такими же, как и в середине 1990-х годов.

И пока нет никаких признаков, что они изменятся в перспективе. Что такое «обеспеченный» рубль? Обеспеченный золотовалютными резервами ЦБ РФ. Новые рубли выпускаются в обращение в результате покупки ЦБ иностранной валюты – например, части экспортной выручки. Для того чтобы увеличивалась рублевая денежная масса, страна вынуждена ежегодно экспортировать товаров и услуг намного больше, чем импортировать (это не единственная причина, вторая из важнейших упоминалась выше – сальдо инвестиционных доходов). Таким образом, современные бумажные рубли лишь по форме символические деньги – на самом деле они очень дорогие. Чтобы появились в обращении дополнительные 30 руб., надо на целый доллар продать чего-то за рубеж и не использовать эту выручку для приобретения импортных товаров, а продать Центральному банку. Поэтому сторублевая купюра фактически стоит нам 3,3 дол., а номиналом в 5000 – почти 167 дол. Столько же стоят и такие же суммы безналичных денег.

Такой механизм денежной эмиссии очень дорого обходится и будет, по-видимому, дорого обходиться и в перспективе. Российский рубль поэтому не является полноценной самостоятельной валютой. Фактически он – заменитель настоящих, иностранных денег, подобно тому как в эпоху золотого стандарта бумажные купюры были удобным заменителем золотых монет и слитков.

Более того, часть обращающихся в России рублей – это даже не собственные, а заемные деньги. Хотя они и национальные, но могли быть эмитированы вследствие обмена всего или части зарубежного займа на рубли. И при бегстве краткосрочных иностранных капиталов из России они опять должны быть конвертированы в инвалюту. Рублевая денежная масса в таких ситуациях уменьшается не только в реальном, но и в номинальном выражениях. Так произошло после августа 2008 г. – внешний долг снизился с 542 млрд дол. (1.10.2008 г.) до 481 млрд (1.01.2009 г.), рублевая денежная масса к началу 2009 г. сократилась до 13,0 трлн руб. по сравнению с предкризисным максимумом в 14,2 трлн.

В связи с опять же не ожидавшимся в период последнего кризиса довольно быстрым восстановлением высоких цен на нефть (и многие другие экспортируемые Россией товары)

кризис в России оказался краткосрочным, восстановление экономики началось уже во втором полугодии 2009 г., несмотря на продолжающуюся рецессию в западных странах. И этот факт свидетельствует о том, что очень сильной интеграции российской экономики в мировую, к счастью, пока еще нет. Непосредственная причина нашего кризиса – резкое ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры. Если бы кризис на Западе был обусловлен резким скачком цен на энергоносители (как в 1970-е годы), то он нас вообще бы не затронул.

Нефть – наркотик или дополнительное питание?

Слишком высокая зависимость динамики макропоказателей от мировых цен на нефть считается одним из самых серьезных недостатков нашей экономики. На самом деле это и очень большое ее преимущество. Именно эта зависимость позволила с 1999 по 2008 гг. почти удвоить реальный объем ВВП (произведение годовых индексов показывает в 2008 г. рост реального ВВП на 95%), увеличить реальные доходы населения в 2,3 раза. От цен на нефть зависимы все страны – не только ее экспортеры, но не в меньшей степени и импортеры. За 2001–2008 гг. крупные экономики мира, полностью или сильно зависимые от импорта нефти, показали очень низкие темпы роста – для Германии прирост ВВП за 8 лет составил лишь 10%, для Италии – всего 7%, для США – 18%. За аналогичный восьмилетний период низких цен на нефть (1991–1998 гг.) экономика США выросла на 24%, Германии – на 15%, Италии – на 10%. Конечно, могли быть и другие причины, но отрицать негативное влияние существенного повышения цен на импортируемую продукцию, которую нельзя заместить отечественной, невозможно.

В этом плане экономическое положение России, безусловно, предпочтительнее, чем, например, у Германии или Японии. Они не могут заменить импортные энергоносители своими, пусть даже более дорогими или менее качественными. Мы такую принципиальную возможность имеем. Частично ею уже пользуемся – в 2009 г. импорт товаров и услуг сократился почти на треть (при падении ВВП лишь на 7,8%).

Тем не менее роль так называемого нефтяного фактора для нашей экономики остается очень высокой. При формальном

подходе к итогам 2010 г. можно констатировать, что практически весь прирост ВВП был обеспечен за счет роста мировых цен на нефть и нефтепродукты. Только от увеличения цен на эти товары Россия получила в 2010 г. (по сравнению с 2009 г.) дополнительно 56 млрд дол., или, по среднегодовому курсу доллара, 1,7 трлн руб. ВВП страны в этом же году составил 44,5 трлн руб. и вырос в реальном выражении на 4%: $1,7 / (44,5 - 1,7) = 0,04$.

Еще более удивительны итоги 1-го полугодия 2011 г. – по данным Росстата, индекс физического объема ВВП составил по отношению к аналогичному периоду 2010 г. менее 104% (104,1% – I квартал, 103,4% – II квартал). В текущих ценах в 1-м полугодии 2011 г. ВВП России составил 24,2 трлн руб., а экспортная выручка только от нефти и нефтепродуктов превысила аналогичный показатель 2010 г. на 32,1 млрд дол. (132,5 против 100,4 млрд) при не возросших физических объемах экспорта. При умножении этого превышения на средний курс доллара за первое полугодие 2011 г. (28,5) получаем уже 915 млрд руб. Если еще учесть влияние возросших цен на газ и металлы, то только от улучшения внешнеэкономической конъюнктуры страна должна была получить дополнительно более 1 трлн руб. А это более 4% от 24,2 трлн. Почему же так мал индекс физического объема ВВП? Тем более, что должны были существовать и другие составляющие роста ВВП – производство в обрабатывающей промышленности увеличилось в 1-м полугодии на 8%, строительство – на 1,2%, оборот розничной торговли – на 5,3%. Объяснение этого парадокса требует дополнительной информации и специального исследования.

Производить больше, чем потреблять, – всегда ли будет такой наша участь?

Основной вывод из сказанного – современная рыночная модель экономики России далека от оптимальной и имеет много уязвимых мест. Самым существенным ее недостатком является объективная необходимость иметь объемы производства, заметно превышающие объемы потребления – в самом широком смысле, включая и инвестиции, т.е. обеспечивать большое положительное сальдо экспорта и импорта товаров и услуг. Помимо упомянутых выше 50 млрд дол. отрицательного сальдо

инвестиционных доходов, это необходимость и направлять часть валютной выручки в резервы Центрального банка, и компенсировать другой канал утечки денежных средств – отрицательное сальдо доходов от оплаты труда. В 2010 г. последнее составило 8,5 млрд дол. – на столько больше вывезли из России иностранные рабочие по сравнению с тем, что перевели в Россию ее граждане, работающие за рубежом. Кстати, такие и еще более выраженные соотношения должны иметь и многие западные страны, где роль гастарбайтеров в экономике еще больше, чем у нас. И, возможно, это тоже один из факторов, замедляющих темпы роста их экономик.

Все эти особенности сохранятся и в перспективе. То есть мы имеем и будем иметь экономику, из которой постоянно уходят деньги. При прочих равных условиях такие экономики развиваются медленнее, чем те, для которых характерен постоянный чистый приток денег из-за рубежа.

Для более наглядной иллюстрации влияния этого фактора можно вернуться к приведенному ранее примеру о Кемеровской и Новосибирской областях. Помимо происшедших радикальных изменений в заработных платах и денежных доходах населения, можно добавить, что и среднегодовые индексы физического объема валового регионального продукта за 2000–2009 гг. в Новосибирской области оказались существенно выше, чем в Кемеровской: 107,2 против 104,2%. Кемеровская область имеет производственную специализацию, и основной канал поступления денежных средств сюда – это вывоз и экспорт товаров. Новосибирская область в этом плане менее значима для экономики России, но она имеет свою специфику, обуславливающую постоянный приток финансовых ресурсов из-за пределов области, причем не за счет заимствований, и, по-видимому, в объемах, многократно превышающих аналогичные потоки для кемеровчан. Это, прежде всего, значительные перечисления из федерального бюджета – здесь три академии наук, примерно в 2 раза больше бюджетных мест в вузах, здесь строится метро, для которого выделяются и федеральные деньги, намного больше протяженность федеральных автодорог, которые также содержатся и модернизируются за счет федеральных средств. Помимо поступлений из федерального бюджета, Новосибирская область имеет

значительный приток денежных средств и по другим каналам – объем розничного товарооборота здесь при меньшей численности населения превышает показатель Кемеровской области на 20% (2010 г.), и это превышение обеспечивается за счет покупок, осуществляемых населением других регионов. Здесь много иногородних студентов, обучающихся на платной основе, и как раз более всего из Кемеровской области, здесь огромный поток транзитных пассажиров, оставляющих свои деньги в аэропорту и на вокзале, на транспорте, в гостиницах и предприятиях общественного питания.

Из-за отсутствия необходимой статистики невозможно дать более или менее точную оценку объемов таких поступлений, но то, что они очень значительно влияют на динамику ВРП Новосибирской области, не должно вызывать сомнений.

Перечисленные выше особенности российской экономики в части межстранового движения денежных средств нельзя игнорировать ни в среднесрочном, ни в долгосрочном прогнозировании. Но ни в официальных отечественных прогнозах, ни в осуществляемых зарубежными организациями, ни в тех, которые разрабатывают наши научно-исследовательские институты, такие важные параметры, как значения статей платежного баланса (кроме экспорта и импорта), динамика денежной массы и золотовалютных резервов, прогнозные показатели объемов внешнего долга, отсутствуют. В тех расчетах, которые выполнялись автором и его коллегами в рамках сотрудничества с СОПС по заданиям Минэкономразвития РФ, совокупность этих факторов учитывалась, но агрегированно и косвенно – через включение условия необходимости иметь и в перспективе большое положительное сальдо экспорта и импорта товаров и услуг.

Для всех ли писан «закон Оукена», и удастся ли россиянам его нарушить?

Но чисто финансовыми факторами возможности экономического роста не исчерпываются. Второй и весьма значимый фактор – это трудовые ресурсы, их количество и качество. В макроэкономической теории есть так называемый закон Оукена, который гласит, что для сокращения численности безработных необходимые темпы роста ВВП должны превы-

шать 2,5% (в некоторых источниках эта цифра увеличена до 2,7–3%). Доказать всеобщий характер этого закона как математическую теорему невозможно, но, по-видимому, это достаточно серьезное утверждение, и отечественная статистика косвенно подтверждает его. В 2009 г. лишь в двух федеральных округах сохранялись положительные темпы роста валового регионального продукта – в Северо-Кавказском (101,2%) и в Дальневосточном (101,5%). Безработица при таких низких темпах роста возросла в обоих округах.

Обратная формулировка закона Оукена – для увеличения численности занятых в экономике необходимые темпы роста ВВП должны составлять не менее 2,5–3%, а при сокращающейся численности занятых они не могут достичь и таких значений. Официальный правительственный прогноз на период до 2020 г., т.е. Концепция долгосрочного развития, принятая в 2008 г. и формально еще не отмененная (но фактически утратившая силу в части прогноза количественных значений макроэкономических показателей) предполагала этот закон опровергнуть – при прогнозируемом снижении численности занятых в экономике в связи с объективным сокращением населения трудоспособного возраста предполагалось возможным в основном, инновационном, сценарии развития достичь в течение всего прогнозного периода среднегодовых темпов прироста ВВП, превышающих 6%. При этом в среднем за 2011–2020 гг. цена на нефть прогнозировалась на уровне, лишь примерно на 10% превышающем фактическую цену по итогам 2008 г. Еще более оптимистичным оказался долгосрочный прогноз ИНХП РАН – по так называемому инвестиционному сценарию считалось возможным достичь в этот период среднегодовых темпов прироста ВВП выше 8%.

От волюнтаризма – к отрезвлению, но сохраняя оптимизм

Кризис оказал сильное отрезвляющее воздействие и на правительство, и, по всей видимости, на других экспертов. По крайней мере, на среднесрочную перспективу, несмотря на не ожидаемое ранее достаточно быстрое восстановление высоких нефтяных цен на мировом рынке, прогнозируются в основном умеренные темпы прироста ВВП – от 3 до 4%.

Новых официальных долгосрочных прогнозов еще нет, но, скорее всего, мы вряд ли когда-нибудь еще увидим в будущих документах цифры роста, близкие к заложенным в Концепцию долгосрочного развития образца 2008 г. Но, как и ранее, с большой вероятностью можно предполагать, что и будущие официальные прогнозы будут скорее оптимистическими, чем приближенными к наиболее вероятным. Они и должны по своему статусу вселять в общество оптимизм. Есть и другие причины, которые не требуют особого объяснения – этому всему мы наверняка будем свидетелями в период предвыборной кампании.

И, скорее всего, пройдет не так много времени, когда будут считаться очень хорошими среднегодовые темпы прироста в 4 или даже 3%. Современным развитым западным экономикам такие показатели, наверное, уже и не снятся. Это все не означает, что 3–4% – это абсолютный предел. Но если мы берем в качестве образца именно западные экономики, то почему у нас должны быть намного более высокие темпы роста? Как и у них, так и у нас уже давно нет «китайских» или «индийских» факторов бурного роста – они были практически исчерпаны еще в дореформенные времена. И принципиально изменять существующую модель экономики России тоже пока не предполагается.

Но тем не менее резервов роста в России все-таки остается пока больше, чем в большинстве развитых стран, а исходный уровень – еще существенно ниже. Поэтому будем надеяться если не на высокие, то на повышенные темпы экономического роста. И главным источником оптимизма по-прежнему остаются будущие изменения внешнеэкономической конъюнктуры: более вероятна долговременная тенденция повышения относительных цен на топливо и сырье, чем противоположная ей.